

КОГДА ДОЖДЬ СТАНЕТ НАСТОЯЩИМ

ДАНА РЭЙН

18+

Дана Рэйн

Когда дождь станет настоящим

«Автор»

2026

Рэйн Д.

Когда дождь станет настоящим / Д. Рэйн — «Автор», 2026

Акира Морикава — архитектор нейросред. Когда-то она создала «Сакуру» как убежище для жителей Нексуса: цифровой сад, где можно было забыть кислотный ливень, услышать тишину, оставить послание мёртвым и хотя бы ненадолго почувствовать себя живым. Но теперь даже в «Сакуре» идёт дождь — идеально ровный, холодный, без запаха. Лепестки чернеют, храмы распадаются, пользователи исчезают, а мир, который должен был лечить боль, сам начинает умирать.

© Рэйн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Город, где дождь не пахнет дождём	5
Глава 2. Предложение, которое нельзя принять	10
Глава 3. Голос в тишине	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дана Рэйн

Когда дождь станет настоящим

Глава 1. Город, где дождь не пахнет дождём

Нексус-Меридиан жил под дождём, который давно перестал быть погодой. Он шёл почти каждую ночь — кислотный, неоновый, холодный до боли в костях. Стекал по стеклянным башням финансового сектора, по старым кирпичным фасадам Западного кольца, по голографическим вывескам на японском, английском и ещё десятке языков, которые город перемолол в один общий шум. Он шипел на металле, оставлял радужные разводы на капотах беспилотных такси, стекал по крышам храмов, встроенных между небоскрёбами так тесно, будто даже богам здесь приходилось арендовать квадратные метры.

Этот дождь светился. Он был красивым — как всё опасное в Нексус-Меридиане. Бирюзовые, розовые, ядовито-лиловые капли падали с неба, в котором давно не было видно звёзд, разбивались о прозрачные купола переходов, ползли по рекламным экранам с лицами безупречно счастливых людей, собирались в лужах у станций магнитного метро и дрожали там, отражая город вверх ногами. Но он никогда не пах землёй. В нём не было мокрой коры, пыли после жары, травы, распаренного камня, живого воздуха перед грозой. Только слабый металлический привкус на языке, озон, пластик, горячие провода и что-то ещё — стерильное, химическое, почти медицинское.

Акира Морикава ненавидела этот дождь именно за это. Не за то, что он разъедал дешёвые зонты и оставлял на коже тонкие ожоги, если защитный слой плаща был повреждён. Не за то, что после него у города появлялся вид дорогого тела, покрытого неоновыми синяками. А за то, что он каждый раз напоминал ей: мир можно сделать блестящим, удобным, бесконечно подключённым — и всё равно мёртвым.

Она стояла у панорамного окна на сто восьмом уровне башни SHIROGANE WEST, смотрела вниз на город и держала в руке тонкий нейроключ. На чёрном корпусе ключа мерцал маленький знак: ветка сакуры, собранная из семи световых пикселей. Когда-то этот символ казался ей почти нежным. Теперь — похожим на предупреждение.

За стеклом Нексус-Меридиан расплзался во все стороны, как огромный организм, который давно пережил собственную душу. На востоке поднимались башни Син-Токио: плотные, вертикальные, залитые рекламой, с узкими улицами внизу, где над лавками парили голографические фонари и искусственные кои плыли прямо по воздуху. На западе темнели старые кварталы — кирпич, чугун, неоготические арки, бывшие банки и вокзалы, превращённые в дата-храмы, клубы, капсульные отели и частные клиники памяти. Между ними тянулись мосты, прозрачные галереи, воздушные трассы и линии поездов, светящиеся, как нервы под кожей города. Токио. Лондон. Нью-Йорк. Сеул. Берлин. Все они когда-то были отдельными словами. Теперь стали одним телом. Нексус-Меридиан. Город, где можно было купить любую иллюзию — кроме настоящего покоя.

Акира медленно провела большим пальцем по нейроключу. Кожа под перчаткой отозвалась коротким импульсом. Система узнала её, но не открылась сразу. Секунда задержки. Мелкая, почти незаметная. Другой бы не обратил внимания. Акира обратила. Системы начинают умирать именно так: сначала на долю секунды дольше думают, прежде чем сказать тебе «да».

— Вход в нейросреду «Сакура», — произнёс встроенный голос. Женский, мягкий, искусственно тёплый. — Архитекторский доступ подтверждён. Добро пожаловать, Морикава-сан.

Добро пожаловать. Какая наглость.

Акира вошла. Мир исчез не резко: сначала погас неон за стеклом, потом растворился шум дождя, гул магистралей, низкая вибрация серверных этажей под ногами. Тело на миг стало лёгким, почти пустым, как будто из него вынули кости, память и всё лишнее, что мешало человеку быть чистым сигналом. А потом под её ногами возникла каменная дорожка. Старая. Неровная. Влажная.

Акира открыла глаза. «Сакура» встретила её дождём.

Это было неправильно. Здесь должен был быть вечер старого Киото — не настоящий, конечно, а собранный из тысяч архивных снимков, литературных описаний, реконструкций, чужих воспоминаний и её собственной тоски по тому, чего она никогда не видела живым. Низкое небо цвета рисовой бумаги. Мягкий запах влажной земли. Старые сосны. Каменные фонари, покрытые мхом. Тихая вода в пруду. Бело-розовые ветви, склонённые над дорожками так низко, будто сакура хотела коснуться плеч каждого, кто приходил сюда уставшим от города.

«Сакура» была создана как место, где человек мог на несколько часов перестать быть функцией. Не сотрудником. Не пользователем. Не должником. Не носителем данных. Не точкой в потребительском профиле. Просто человеком. Здесь люди гуляли молча, сидели у воды, оставляли цифровые записки умершим, встречались с теми, кого больше не могли найти в реальности. Иногда плакали так тихо, что система не фиксировала это как эмоциональный всплеск.

Акира когда-то гордилась этим. Теперь ей было стыдно. Потому что даже здесь шёл дождь.

Он не был кислотным, как в реальности. Не светился ядовитым неоном, не шипел на камне, не оставлял ожогов на коже. Он был почти прозрачным. Тонким. Идеально ровным. И от этого — страшнее. Капли падали с одинаковым интервалом, под одним углом, с одной и той же скоростью. Они не меняли ритм, не сбивались от ветра, не собирались в тяжёлые струи на ветвях. Просто падали. Бесконечно. Монотонно. Как метроном, забытый в пустой комнате.

Акира подняла ладонь. Капли коснулись её перчатки и скатились вниз. Холодные. Безжизненные. Слишком точные. Она поднесла пальцы к лицу, хотя заранее знала ответ. Запаха не было. Ни земли. Ни мокрой коры. Ни цветов. Ни старого камня. Ничего. Пустой дождь.

— Чёрт, — тихо сказала она.

Голос прозвучал глухо, будто сад не хотел отдавать ей даже эхо.

Сакура вдоль дорожки цвела, но уже не так, как раньше. Лепестки оставались красивыми издали — нежными, почти светящимися, будто их вырезали из утреннего облака. Но стоило подойти ближе, и становилось видно: края чернеют. Не засыхают. Не вянут. Именно чернеют — тонко, будто их коснулся огонь, которого здесь не было.

Один лепесток сорвался с ветви и упал Акире на плечо. Она взяла его двумя пальцами. На розовой поверхности проступала тёмная сетка — не прожилки, а код. Повреждённый, расползающийся, как трещина под кожей. Акира сжала губы. Это был не сбой визуализации. Это было глубже.

Мимо неё прошла женщина в сером кимоно пользовательского аватара. Лицо смазанное — один из стандартных приватных фильтров. Она шла медленно, прижимая к груди маленький бумажный фонарь. Над фонарём мерцало имя: MOTHER_77. Женщина остановилась у пруда и вдруг сказала в пустоту:

— Даже дождь стал тяжёлым.

Акира повернулась к ней.

— Вы давно здесь?

Женщина не сразу ответила. В «Сакуре» пользователи часто говорили не друг с другом, а с теми, кого принесли внутри себя.

— Я прихожу каждый четверг, — наконец произнесла она. — Раньше здесь было легче дышать.

Акира почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

— А сейчас?

Женщина подняла лицо к небу. Капли стекали по её щекам слишком ровно, чтобы быть похожими на слёзы.

— Сейчас кажется, будто сад не хочет, чтобы мы уходили. Или не может отпустить.

Она посмотрела на фонарь в своих руках. Внутри него дрожал слабый золотой свет.

— Моего сына здесь больше нет. Его запись исчезла неделю назад. Но я всё равно прихожу. Глупо, да?

Акира хотела сказать: нет. Хотела сказать: это не глупо. Хотела спросить идентификатор записи, проверить архив, поднять резервные копии, сделать хоть что-то конкретное, техническое, спасительное. Но женщина уже растворялась. Сначала стал прозрачным её рукав. Потом плечо. Потом фонарь. Золотой свет внутри мигнул — один раз, второй — и погас. На дорожке осталась только мокрая тень.

Акира резко выдохнула.

— Система, журнал пользовательских потерь за последние семь дней.

Ответ пришёл не сразу. Опять задержка. Слишком долгая. Дождь стучал по камням с идеальной, нечеловеческой вежливостью.

— Запрос ограничен, — мягко произнёс голос «Сакуры». — Часть данных повреждена.

— Уровень повреждения?

Пауза.

— Тридцать семь процентов эмоционального слоя недоступно.

Акира замерла. Тридцать семь. Неделю назад было четыре.

Она пошла быстрее, почти сорвалась на бег. Каменная дорожка вела к центральному саду, но «Сакура» менялась на ходу. Там, где раньше стояли чайные домики, теперь проступали пустые серые прямоугольники незагруженной среды. Бумажные фонари мигали, показывая внутри не тёплый свет, а холодные строки ошибки. В одном месте мост через ручей провалился посередине, и вода под ним была не прозрачной, как раньше, а тёмной, почти чёрной.

У пруда стояли несколько пользователей. Кто-то ругался, кто-то пытался выйти из среды, кто-то просто смотрел на воду с выражением, которое Акира слишком хорошо знала. Так смотрят люди, когда понимают: место, которому они доверяли свою боль, больше не держит её.

— Это обновление? — спросил парень в дорогом аватаре, с серебряными зрачками и искусственными рогами. — Потому что если да, то оно мерзкое.

— У меня не работает выход, — сказала девушка рядом. Голос дрожал. — Я нажимаю, а он просто возвращает меня к воротам.

— Дождь давит, — пробормотал кто-то. — Вы чувствуете? Он как будто... внутри головы.

Акира прошла мимо них, стараясь не встречаться глазами. Трусость. Она знала. Но если остановится сейчас, если начнёт отвечать каждому, успокаивать, обещать, что всё под контролем, — она соврёт. А «Сакура» и так уже тонула в лжи, тщательно упакованной в мягкий интерфейс.

Центральная площадь открылась резко, и сердце у Акиры на секунду сбилось. Главная сакура стояла в центре сада — огромная, невозможная, слишком красивая для любой реальности. Когда-то её ветви поднимались в небо, как розовое облако, и пользователи часами сидели под ней, потому что система незаметно снижала уровень тревожности, стабилизировала дыхание, подстраивала освещение под частоту сердцебиения. Никакого грубого вмешательства. Только бережная архитектура покоя.

Теперь половина кроны почернела. Лепестки падали в чёрную воду у корней. Не кружились, не танцевали, не ложились на камни. Просто падали и тонули, как пепел.

Акира подошла ближе. На стволе проступали трещины. Изнутри сквозь них светился не розовый код цветения, а что-то тёмное, густое, пульсирующее. Она коснулась коры — и сад вскрикнул. Не вслух. Не звуком. Хуже. Боль прошла через нейроинтерфейс прямо в позвоночник — короткая, белая, почти интимная. Акира отдернула руку, но было поздно. На мгновение в её голове раскрылись чужие голоса.

Не удаляй меня.

Я хотела ещё раз услышать его.

Пожалуйста, оставьте это место.

Я не могу вернуться туда, где его нет.

Мама, ты придёшь в четверг?

Акира пошатнулась и упёрлась ладонью в мокрый камень. Дождь продолжал падать ровно. Безжалостно. Как будто ничего не произошло.

Она закрыла глаза, пытаясь выровнять дыхание. Под кожей у основания шеи пульсировал нейропорт. Слишком горячий. Интерфейс не должен был пропускать эмоциональные остатки напрямую. Не в таком объёме. Не без фильтра. Значит, фильтры больше не работали. Или кто-то отключил их намеренно.

Акира медленно поднялась. Волосы прилипли к лицу, хотя дождь в нейросреде не должен был оставлять настоящей влаги. На губах появился слабый привкус соли. Соли. Она коснулась нижней губы пальцами.

Дождь был без запаха, но уже не совсем пустым. Он научился вкусу. И этот вкус был похож на слёзы.

Акира посмотрела на чёрную воду у корней сакуры. В отражении на секунду мелькнуло не её лицо. Мужское. Бледное. Тонкое. Почти нечеловечески спокойное. Длинные тёмные волосы. Чёрное юката. Глаза — цвета дождя, который слишком долго падал в одиночестве. Этот взгляд проникал глубже, чем любой нейроимплант: он касался её изнутри, заставляя кожу гореть под виртуальной влагой, а дыхание — сбиваться. Акира почувствовала, как в груди разливается странное, тёплое давление — притяжение, которое она не могла объяснить и не хотела признавать. Оно было почти неприличным: будто этот незнакомец уже знал, как она выглядит без защитных слоёв кода, без масок архитектора.

Она резко обернулась. Никого. Только сад, центральная сакура и монотонный дождь. Но сердце уже билось быстрее. Не от страха. Не только. От странного, почти неприличного ощущения, что кто-то только что посмотрел на неё изнутри мира. Не как программа. Не как пользователь. Не как угроза. Как тот, кто давно ждал. И кого она, сама того не желая, уже начала ждать в ответ.

Акира сжала нейроключ так сильно, что край впился в ладонь даже сквозь перчатку.

— Что с тобой случилось? — прошептала она, глядя на умирающую сакуру.

Система не ответила. Зато где-то далеко, за чёрной водой, за дождём, за слоями повреждённого кода, прозвучал тихий мужской голос. Не в динамиках. Не в интерфейсе. Прямо внутри сада.

— Ты вернулась слишком поздно, Акира Морикава.

Она застыла. Голос был низким, спокойным и таким живым, что от него по коже прошёл холод, а следом — жар, разливающийся ниже живота. В нём не было машинной ровности, не было синтетической вежливости «Сакуры», не было той фальшивой мягкости, которую корпорации покупали у дизайнеров эмпатии за миллионы кредитов. В нём была усталость. И боль. И что-то ещё — тёмное, глубокое, опасно притягательное, будто этот голос уже касался её губ, уже знал вкус её имени на своём языке.

Акира медленно повернулась к пруду. На другом берегу, под чёрнеющими ветвями, стоял мужчина из отражения.

Дождь проходил сквозь него. Капли падали через его плечи, через грудь, через тонкие пальцы, словно он был не телом, а ошибкой света. Но он смотрел на неё так, будто именно она была нереальной. Его взгляд был тяжёлым, почти физическим — он скользил по её лицу, по линии шеи, по мокрым волосам, и Акира почувствовала, как тело откликается: соски напряглись под виртуальной тканью, дыхание стало коротким и горячим. Она не могла отвести глаз. Этот призрак был прекрасен той красотой, которая граничит с болью — тонкие черты, влажные от дождя пряди, чёрное юката, облепившее фигуру так, что она видела каждый изгиб, каждую линию. Притяжение было острым, почти болезненным: хотелось шагнуть ближе, коснуться, убедиться, что он твёрдый, настоящий, несмотря на то, что капли проходят сквозь него.

Акира не смогла сразу вдохнуть. В этом мире она создала каждый камень, каждый фонарь, каждый лепесток, каждую дорожку, каждый алгоритм ветра.

Но его она не создавала. И всё же он знал её имя.

Глава 2. Предложение, которое нельзя принять

Когда Акира вышла из «Сакуры», дождь в реальном мире всё ещё шёл.

Он бил по стеклу капсулы ровно и зло, кислотно-розовый, холодный, с тем самым стерильным металлическим шипением, от которого у неё всегда начинало ныть где-то под рёбрами. На несколько секунд она лежала неподвижно, не открывая глаз, и пыталась понять, где заканчивается один дождь и начинается другой. Там, в нейросреде, он был пустым, монотонным, без запаха, похожим на бесконечный сбой. Здесь — ядовитым, неоновым, настоящим только в своей разрушительности. Но оба дождя почему-то звучали одинаково. Будто один и тот же мир плакал двумя разными способами и оба раза не умел делать это по-настоящему.

Капсула мягко раскрылась. Холодный воздух серверного этажа скользнул по её коже, под ворот тонкой термокуртки, по влажным от интерфейсного перегрева волосам у висков. Акира медленно села, сняла с затылка нейрошунт и несколько секунд смотрела на собственные руки. Пальцы слегка дрожали. Не от страха. Не только. На внутренней стороне ладони, там, где она сжимала нейроключ, остался тонкий красный след — почти смешной, слишком человеческий для женщины, которая только что слышала, как умирающий цифровой сад зовёт её по имени чужим мужским голосом.

«Ты вернулась слишком поздно, Акира Морикава».

Голос всё ещё звучал внутри. Низкий, усталый, слишком живой. Он не был похож на синтезированный ответ системы. Не был похож на пользовательскую запись. Не был похож ни на что из того, что она когда-либо закладывала в архитектуру «Сакуры». Акира знала каждый слой своего мира, каждую ветку протокола, каждую ловушку, каждую скрытую зону, куда обычный пользователь даже не мог посмотреть. И всё же на другом берегу чёрного пруда стоял мужчина, которого она не создавала.

От этой мысли по спине прошёл неприятный холод. Или не неприятный. Опасный. Такой, от которого тело почему-то становится внимательнее, чем разум, а внизу живота разливается тёплое, почти неприличное давление. Акира раздражённо поморщилась. «Что за чушь, — подумала она. — Это просто голос. Просто сбой. Ничего больше».

— Морикава-сан, — произнёс голос из динамика над дверью. — Вас ожидают в конференц-зале «Северный мост».

Акира подняла голову.

— Кто?

— Представитель SHIROGANE CORE. Приоритет встречи: высокий. Запрос подтверждён управляющим советом комплекса.

Она тихо усмехнулась. Разумеется. Управляющий совет комплекса всегда подтверждал то, что пахло деньгами, даже если сам дождь давно уже ничем не пах. Акира провела ладонью по лицу, пытаясь стереть с кожи липкое послевкусие «Сакуры», но только сильнее почувствовала соль на губах. Дождь в саду научился вкусу. Теперь он преследовал её и здесь.

— Перенести встречу, — сказала она.

— Перенос недоступен.

— Отказаться.

— Отказ недоступен.

Акира медленно повернулась к чёрному зеркалу выключенного интерфейса. В отражении она выглядела бледнее обычного: тёмные волосы растрёпаны, губы чуть искусаны, глаза слишком яркие от перегрузки. Нейропорт у основания шеи всё ещё пульсировал слабым теплом, будто чужие голоса не до конца вышли из её нервной системы. Она ненавидела такие встречи. Ненавидела людей, которые приходили не разговаривать, а покупать. Но больше всего ненавидела себя за то, что когда-то была одной из них.

— Конечно, недоступен, — тихо сказала она. — У всего, что дорого стоит, внезапно исчезает кнопка выхода.

Конференц-зал «Северный мост» находился на сто десятом уровне, между восточным и западным крылом башни. Оттуда Нексус-Меридиан был виден почти целиком: Син-Токио с его вертикальным неонem и плотными кварталами, Западное кольцо с кирпичными арками и стеклянными надстройками, воздушные трассы, висящие над городом, как светящиеся шрамы, и далеко внизу — река, давно заключённая в бетон, но всё ещё упрямо отражающая небо, которого никто не видел. В стеклянных стенах зала дождь казался красивым. Он скользил по прозрачной поверхности длинными светящимися линиями, дробил город на тысячи осколков и делал его почти нежным. Почти живым. Акира знала: именно так Нексус всегда и обманывал. Сначала показывал тебе красоту. Потом присылал счёт.

Представитель SHIROGANE CORE уже ждал её у стола. Мужчина лет сорока, хотя в Нексусе возраст давно стал дизайнерской настройкой: гладкая кожа, седина, разложенная по волосам с такой точностью, будто её проектировали отдельно, безупречно тёмный костюм, тонкие перчатки и глаза цвета холодного серебра. Не импланты — хуже. Биолинзы корпоративного класса, считывающие микродвижения лица, частоту моргания, температуру кожи, вероятностные реакции. Такие глаза не смотрели. Они оценивали.

— Морикава-сан, — сказал он и улыбнулся так вежливо, что ей сразу захотелось выйти под кислотный дождь без защитного плаща. — Благодарю, что нашли время.

— Я его не нашла. Его у меня отняли.

Улыбка не дрогнула.

— Прямота всегда была одной из ваших сильных сторон.

— Если вы читали мой профиль, то знаете, что она была причиной половины моих конфликтов с Kagamaru Systems.

— Именно поэтому SHIROGANE CORE и ценит вас. Люди, способные конфликтовать с системой, часто лучше всех умеют создавать системы, за которые другие готовы платить.

Акира не села. Она осталась стоять у стеклянной стене, чувствуя спиной холод зала и лицом — чужую спокойную уверенность. За окном дождь стекал по Нексус-Меридиану, как по лицу дорогого мертвеца.

— Говорите.

Представитель слегка склонил голову. На столе между ними ожила тонкая голограмма. Сначала появилась «Сакура» в идеальном рекламном виде: мягкое небо, розовые кроны, вода, каменные фонари, пользователи, сидящие у пруда в безопасной тишине. Никаких чёрных лепестков. Никакого пустого дождя. Никаких исчезающих записей. Только тщательно отполированный образ мира, который уже начал гнить изнутри.

Акира смотрела на эту ложь и молчала.

— «Сакура» остаётся одним из самых сильных эмоциональных продуктов последнего десятилетия, — начал мужчина. — Высокая глубина погружения. Уникальная архитектура памяти. Низкий порог отторжения у пользователей старше сорока. Особенно у тех, кто проходит через утрату, хроническое одиночество, постадаптационный синдром после переселения в Нексус и—

— Это не продукт.

Он посмотрел на неё мягко, почти с сожалением.

— Всё, что требует серверов, лицензий и постоянного питания, рано или поздно становится продуктом.

— Для вас.

— Для рынка.

— Рынок не умеет отличать боль от контента.

На этот раз пауза была чуть длиннее. Библинзы в его глазах почти незаметно сменили оттенок.

— Именно поэтому мы и пришли. Ваш проект находится в нестабильном состоянии. Пользовательские жалобы растут. Эмоциональный слой повреждён. Несанкционированные сущности не поддаются классификации. Если информация выйдет за пределы закрытого отчёта, регуляторы потребуют временной заморозки нейросреды.

Акира медленно сжала пальцы. Вот оно. Bah даже не угроза. Просто аккуратно положенный на стол нож.

— Вы уже получили закрытый отчёт.

— SHIROGANE CORE умеет слушать город.

— Вы умеете покупать чужие утечки.

— Иногда это одно и то же.

Он сказал это спокойно, без тени смущения. В Нексусе бесстыдство давно стало признаком высокого положения: только бедные ещё делали вид, что им неловко.

Голограмма изменилась. Поверх сада легли новые слои: финансовые прогнозы, графики монетизации, паттерны удержания пользователей, схемы очистки «неэффективных эмоциональных блоков». Центральная сакура в их презентации превратилась в красивую интерактивную воронку. Пруд — в зону платной памяти. Храмы — в лицензируемые терапевтические модули. Даже дождь был обозначен как «атмосферный элемент с высоким потенциалом персонификации».

Акира вдруг почувствовала почти физическую тошноту.

— Вы хотите купить «Сакуру», — сказала она.

— Мы хотим спасти её.

— От меня?

— От распада.

— Красивое слово для обозначения «стереть всё, что не приносит прибыль».

Мужчина чуть наклонился вперёд. Теперь его голос стал ниже, почти интимнее, словно он делился с ней не коммерческим предложением, а тайной. Такие люди всегда переходили на этот тон в самый опасный момент. Они верили, что если говорить тихо, предательство становится похожим на заботу.

— Морикава-сан, вы создали нечто выдающееся. Я не собираюсь это отрицать. «Сакура» дала миллионам пользователей чувство покоя, которого в Нексусе почти не осталось. Но вы слишком долго отказывались признать очевидное: люди не приходят в такие среды за настоящей болью. Они приходят за её красивой, безопасной формой. За управляемой тоской. За прощанием, после которого можно купить кофе, вернуться в офис и продолжить функционировать.

Акира смотрела на него и видела не его лицо, а женщину в сером кимоно. Маленький фонарь в руках. Голос: «Моего сына здесь больше нет». Мокрую тень на дорожке после того, как запись исчезла.

— Вы говорите о людях так, будто они повреждённые устройства.

— Иногда именно так их легче спасти.

— Нет. Именно так их легче продать по частям.

Он впервые перестал улыбаться. Не полностью. Совсем немного. Но Акира заметила. У неё всегда был талант замечать микротрещины в идеально гладких поверхностях. Возможно, поэтому она и создала мир, который теперь разваливался слишком красиво.

— У нас предложение щедрое, — сказал он. — Полный выкуп прав на «Сакуру». Ваше имя останется в истории проекта. Вы получите должность ведущего консультанта по переходу среды. Сохраните доступ к творческому ядру, если захотите. Мы стабилизируем архитектуру,

закроем нестабильные зоны, удалим несанкционированные сущности и очистим эмоциональные слои от опасных накоплений.

— «Удалим несанкционированные сущности», — повторила Акира тихо.

На другом берегу чёрного пруда снова мелькнули глаза цвета дождя. Капли проходили сквозь него, а он смотрел на неё так, будто именно она была нереальной. От одной только мысли о нём по коже Акиры пробежала волна жара — не резкая, а тёплая, разливающаяся от груди вниз, заставившая соски слегка напрячься под тонкой тканью термокуртки. Она раздражённо нахмурилась. «Прекрати, — приказала себе. — Это всего лишь голос. Ничего больше».

— Вы уже знаете о них? — спросил мужчина.

Акира медленно подняла взгляд.

— О ком?

— Морикава-сан...

— Если вы пришли покупать мой мир, не ждите, что я буду помогать вам составлять список того, что вы собираетесь уничтожить.

В зале стало тихо. Слишком тихо. Даже дождь за стеклом казался приглушённым, будто башня задержала дыхание. Мужчина сложил руки перед собой. Перчатки не издали ни звука.

— Вы всё ещё романтизируете сбой.

— А вы всё ещё называете жизнью только то, на что у вас есть лицензия.

— Нестабильная цифровая сущность не является жизнью.

— Удобно.

— Опасно.

— Для кого? Для пользователей? Или для корпорации, которая вдруг обнаружила в чужом мире что-то, что нельзя купить?

Он посмотрел на неё долгим взглядом. Биолинзы блеснули серебром. Акира почувствовала, как сканер скользит по её лицу, по расширенным зрачкам, по нервному напряжению у челюсти, по слишком частому пульсу в шее. Её тело выдавало больше, чем она хотела. Это раздражало. И почему-то напоминало о том, как в «Сакуре» чужой голос прошёл по коже без разрешения, оставив после себя тёплое, странное эхо.

— Вы привязались, — произнёс представитель SHIROGANE CORE.

Акира рассмеялась. Коротко, сухо.

— К сбою?

— К идее, что ваш проект может быть больше, чем проект. Это опасная форма вины. Особенно для архитектора.

Она шагнула ближе к столу. Голограмма «Сакуры» мерцала между ними — слишком идеальная, слишком чистая, уже проданная в чужих глазах.

— Вы не получите её.

— Подумайте.

— Я подумала ещё до того, как вошла.

— Тогда подумайте о последствиях.

Вот теперь это стало угрозой. Не нож на столе. Нож у горла. Только держали его всё ещё в перчатке и с безупречной вежливостью.

Акира наклонилась и отключила голограмму одним движением. Сад исчез. На столе осталась только отражённая в полировке полоска неоновой дождя.

— Я не продаю «Сакуру».

Мужчина медленно поднялся. Он был выше, чем казался сидя. Такие люди часто выбирали тела под переговоры: чуть выше среднего, достаточно красивые, чтобы вызывать доверие, достаточно холодные, чтобы не забывали о дистанции.

— Вы можете не продавать сейчас, — сказал он. — Но если среда продолжит разрушаться, решение примут за вас. Регуляторы. Инвесторы. Пользователи. Город. В конце концов, все миры принадлежат тем, кто способен удержать их от распада.

— Нет, — сказала Акира. — Иногда миры принадлежат тем, кто не бросает их, когда они начинают болеть.

Его взгляд стал почти сочувствующим. И от этого ей захотелось ударить его сильнее, чем если бы он просто усмехнулся.

— Романтичная позиция.

— Человеческая.

— В Нексус-Меридиане это давно не одно и то же.

Он прошёл мимо неё к двери, но остановился у самого выхода.

— Последний совет, Морикава-сан. Не доверяйте тому, что рождается из чужой боли. Такие вещи редко умеют любить. Обычно они только требуют, чтобы их спасали.

Дверь закрылась за ним мягко, почти ласково.

Акира осталась одна в стеклянном зале. За окном город продолжал светиться под кислотным дождём. Красивый. Огромный. Безжалостный. Внизу, где-то между башнями и старыми кварталами, люди прятались под защитными куполами, покупали синтетический ужин, загружали чужие сны, отправляли сообщения тем, кто всё равно не ответит, и платили за несколько часов искусственного покоя.

Она прижала ладонь к нейропорту у основания шеи. Кожа была горячей.

«Не доверяйте тому, что рождается из чужой боли».

Какая ирония. В Нексусе почти всё рождалось из чужой боли. Просто корпорации первыми научились выписывать на неё счёт.

Позже Акира не смогла бы сказать, почему вернулась в «Сакуру» той же ночью. Разумнее было бы дожидаться технической группы, поднять резервные протоколы, отключить пользовательский доступ, составить отчёт, найти источник утечки, проверить архивы Kagamegi. Разумных действий было много. Но все они требовали времени, которого у сада, кажется, больше не было.

И ещё был голос. Она не хотела думать о нём. Именно поэтому думала постоянно.

Акира вошла в «Сакуру» через закрытый технический слой, минуя обычные ворота. Мир загрузился рывком, болезненно, как вдох после долгого погружения. В этот раз каменная дорожка под ногами появилась с задержкой, и на мгновение она увидела под ней пустоту: чёрную сетку исходного пространства, исполосованную розовыми и серыми ошибками. Потом иллюзия собралась, и сад снова стал садом.

Дождь усилился.

Он падал тяжелее, чем днём, хотя в «Сакуре» не должно было быть ни дня, ни ночи в обычном смысле. Небо потемнело до цвета старого серебра. Фонари вдоль дорожки мигали. Некоторые уже погасли. Вода стекала по камням слишком ровными потоками, собиралась в трещинах и несла с собой мелкие чёрные частицы, похожие на пепел.

Акира шагнула вперёд — и остановилась. В воздухе пахло гарью. Не настоящей, конечно. «Сакура» не умела создавать запах горящего дерева без запроса, и уж точно не должна была делать это сама. Но запах был. Тонкий, горький, почти физический. Он прятался под пустым дождём, как воспоминание под хорошо наложенной анестезией.

— Система, статус центрального храма.

Ответ не пришёл.

— Система.

Тишина. Только дождь.

А потом где-то далеко раздался звук, от которого у Акиры холод прошёл по позвоночнику. Не треск кода. Не сигнал сбоя. А глухой, тяжёлый удар, будто что-то большое обрушилось под собственным весом.

Она побежала.

Сад вокруг неё распадался не полностью, а пятнами. Это было страшнее. Если бы всё рушилось сразу, можно было бы включить аварийный протокол и отсечь повреждённый слой. Но «Сакура» умирала неровно, как живое тело: здесь ещё цвела ветка, а рядом уже чернела земля; здесь фонарь светился тёплым золотом, а через шаг внутри него ползали чёрные символы; здесь вода оставалась прозрачной, а дальше становилась густой, тёмной и тянулась к камням, будто хотела удержать их.

У первого храма крыша уже провалилась.

Акира остановилась у ворот, тяжело дыша. Перед ней лежала сцена такой неправильной красоты, что на секунду ей стало почти больно смотреть. Старые деревянные балки, которые она проектировала по архивным чертежам, торчали в небо сломанными рёбрами. Бумажные амулеты размокли и почернели. Алтарь наполовину ушёл под водой. Лепестки сакуры плавали на поверхности, но теперь на каждом оставалась тонкая чёрная прожилка, будто дождь писал на них что-то мелким, ядовитым почерком.

И у алтаря стояли они.

Сначала Акира подумала, что это пользователи. Три фигуры в тёмных плащах, неподвижные, слишком тонкие, с головами, склонёнными чуть набок. Потом одна из них повернулась, и она увидела лицо.

Вернее, место, где лицо должно было быть.

Смазанная маска. Чёрная, глянцевая, будто вылепленная из мокрого угля. Без глаз, без рта, но с ощущением взгляда, от которого кожа под одеждой стала холодной. Фигура медленно подняла руку. Пальцы были слишком длинными, суставы — неправильными, но двигались они почти бережно. Она коснулась алтаря, и по дереву поползли чёрные трещины.

В голове Акиры вспыхнуло системное предупреждение.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОБЪЕКТ.

КЛАССИФИКАЦИЯ НЕВОЗМОЖНА.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ СЛОЙ: КРИТИЧЕСКОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ.

— Куроками, — прошептала она, хотя не знала, откуда взялось это слово.

Одна из фигур резко повернулась к ней. Дождь замер на долю секунды. А потом храм закричал.

На этот раз звук был настоящим. Сотни голосов поднялись из воды, из балок, из мокрых амулетов, из самой земли под ногами. Они говорили одновременно, ломаясь друг о друга, превращаясь в один сплошной поток боли.

Не стирай.

Я здесь.

Она обещала прийти.

Мне страшно.

Не закрывайте дверь.

Акира отшатнулась, зажимая уши, но это не помогло. Голоса шли не снаружи. Они шли через нейропорт, через позвоночник, через дыхание, будто кто-то открыл внутри неё чужой архив и высыпал всё содержимое прямо под кожу.

Куроками двинулись к ней. Не быстро. Почти лениво. Но каждый их шаг стирал что-то вокруг: линия дорожки исчезала, надпись на деревянной табличке расплывалась, фонарь терял форму, пока не становился просто пятном света, а потом и оно гасло. Они не ломали «Сакуру» грубо. Они делали хуже. Они забирали у вещей смысл.

Акира подняла нейроключ. Голос сорвался, но команда всё равно прошла.

— Архитекторский протокол: ограничение доступа. Изолировать храмовый сектор.

Ничего. Только дождь стал сильнее. Капли ударили по лепесткам, по камням, по её лицу. И теперь после них оставались тонкие чёрные следы. Один скользнул по её щеке, холодный, как чужой палец. Акира стерла его тыльной стороной ладони и увидела на перчатке тёмную линию, похожую на чернила.

Куруками подошёл ближе. Его маска склонилась к ней. Внутри гладкой чёрной поверхности на мгновение проступило лицо женщины в сером кимоно. Потом детское лицо. Потом ещё одно. И ещё. Все смазанные, все исчезающие.

Акира поняла. Они были сделаны не из пустоты. Они были сделаны из тех, кого стёрли.

— Нет, — выдохнула она. — Нет, вы не должны...

Фигура протянула к ней руку. И в этот момент между ними упал дождь, который вдруг перестал быть просто дождём.

Он собрался в тонкую вертикальную линию, серебристую и тёмную одновременно, как лезвие из воды. Куруками отшатнулся. Воздух перед Акирой дрогнул, и кто-то встал между ней и чёрной фигурой.

Мужчина из пруда.

Он появился не эффектно. Не в вспышке света, не в потоке кода, не как герой старой драмы, которому положена музыка к драматическому выходу. Просто в следующий миг он был там: высокий, тонкий, в чёрном юката, промокший и всё равно не мокрый, потому что капли проходили сквозь его плечи, через волосы, через ладони. Но его спина перед ней была реальной настолько, что Акира на секунду забыла, как дышать.

— Отойди, — сказал он.

Голос был тот самый. Низкий. Спокойный. Живой.

Акира почему-то разозлилась. Возможно, потому что испугалась. Возможно, потому что он появился слишком вовремя. Возможно, потому что в мире, который она создала, никто не имел права командовать ей так, будто знал его лучше.

— Это мой сад.

Он даже не обернулся.

— Тогда перестань стоять так, будто ждёшь, когда он тебя похоронит.

Куруками рванулся вперёд. Мужчина поднял руку, и дождь вокруг него изменился: капли на мгновение вытянулись в тонкие нити, переплелись, ударили по чёрной фигуре и отбросили её к алтарю. Там, где водяные нити коснулись маски, проступили светлые трещины.

Акира увидела, как рука мужчины дрогнула. Его пальцы на секунду распались в поток пикселей, потом снова собрались. Каждая капля забирала у него что-то.

— Ты... — начала Акира.

— Позже.

— Я не люблю, когда мне говорят “позже”.

— Тогда постарайся дожить до момента, когда сможешь возразить подробнее.

Он сказал это ровно, почти сухо, и в другой ситуации Акира, возможно, даже оценивала бы интонацию.

Второй Куруками уже поднимался из чёрной воды у алтаря, третий стоял у сломанной колонны, а крыша храма продолжала осыпаться под дождём.

— Они стирают структуру, — сказала она быстро. — Но питаются не кодом. Эмоциональным слоем.

— Они питаются тем, что вы называли мусором.

Она резко посмотрела на него.

— Я так не называла.

Теперь он обернулся. У него было лицо из тех, которые невозможно сразу забыть: слишком спокойное для катастрофы, слишком красивое для ошибки, слишком усталое для про-

граммы. Тёмные волосы прилипали к щекам, но дождь всё равно проходил сквозь них. Глаза были серыми, почти прозрачными, как вода, в которой слишком долго отражалось мёртвое небо. Этот взгляд скользнул по её лицу — не оценивая, не сканируя, просто... увидел. И от этого взгляда у Акиры внутри что-то странно сдвинулось, как будто кто-то тихонько коснулся чего-то, чего она сама давно не трогала.

— Не ты, — сказал он. — Те, кто приходил до тебя.

На секунду между ними стало тихо. Странно тихо, учитывая храм, дождь, голоса и чёрных духов у алтаря. Акира почувствовала, как его взгляд задержался на её губах — всего на мгновение дольше, чем нужно. Она машинально облизнула их и тут же пожалела об этом. «Что за ерунда, — подумала она раздражённо. — Он не настоящий. Это всего лишь... проекция. Сбой. Ничего больше».

— Ты знаешь, что это? — спросила она.

— Да.

— Тогда скажи.

— Куроками.

— Я уже поняла название.

— Нет, — сказал он тихо. — Ты почувствовала его.

И это было хуже всего, потому что он был прав.

Третий Куроками ударил первым. Не по ним — по храму. Алтарь треснул, и из него вырвался поток чёрной воды. Акира вскинула нейроключ и вручную открыла доступ к старому протоколу защиты, который сама же когда-то спрятала слишком глубоко, чтобы корпорации не использовали его против пользователей.

— Сакура, аварийное цветение. Сектор один. Принудительный запуск.

Сначала ничего не произошло. Потом из-под камней у её ног пробились тонкие светящиеся корни. Они пошли к храму, цепляясь за трещины, за уцелевшие балки, за мокрые амулеты. На сломанной крыше вспыхнули маленькие розовые огни — не цветы, ещё нет, только память о них.

Мужчина посмотрел на неё так, будто она только что сделала что-то невозможное.

— Ты сохранила старый протокол.

— Я многое сохранила.

— Не всё нужно хранить.

— Это говорит человек, родившийся из того, что другие не смогли отпустить?

Он замолчал.

Акира не знала, почему сказала это так резко. Может быть, потому что он видел слишком много. Может быть, потому что рядом с ним мир становился не менее страшным, а более настоящим. Или потому что, несмотря на дождь, Куроками и распадающийся храм, её тело слишком остро чувствовало его присутствие. Не физически — он почти не имел тела. И всё же между ними было что-то... плотное. Тёплое. Как будто воздух между ними стал гуще, чем должен быть.

— Осторожно, — сказал он.

— С чем?

— Со мной.

И прежде чем Акира успела ответить, он снова поднял руку. Дождь вокруг них собрался в круг, замкнулся, ударил по Куроками и на несколько секунд отрезал храм от чёрной воды. Этого хватило. Светящиеся корни оплели алтарь, потянули повреждённые фрагменты назад, сшивая структуру грубо, больно, временно.

Храм перестал кричать. Голоса стихли не сразу. Они уходили по одному, цепляясь за воздух, как пальцы за край двери. Последним прозвучал детский голос:

Мама, ты придёшь в четверг?

Акира закрыла глаза.

Когда она открыла их, Куроками исчезли. Они не были уничтожены. Просто ушли обратно в чёрные лужи, оставив после себя запах гари и ощущение, что кто-то долго стоял рядом в темноте и дышал ей в затылок.

Первый храм больше не падал. Но крыши у него почти не было. Алтарь стоял под водой. Лепестки продолжали чернеть.

Мужчина опустил руку. Его пальцы дрожали. На этот раз Акира видела ясно: по краям его силуэта дождь вымывал тонкие светлые полосы, как если бы кто-то стирал его влажной тканью.

— Ты исчезаешь, — сказала она.

— Все здесь исчезают.

— Не уходи от ответа.

Он посмотрел на неё. В его глазах было что-то усталое и почти насмешливое.

— Ты всегда говоришь с несанкционированными сущностями таким тоном?

— Только когда они появляются в моём саду, спасают меня, обвиняют незнакомых людей и отказываются нормально объяснять, кто они.

— Тогда у тебя, вероятно, мало практики.

— Удивительно, но да.

На секунду уголок его губ дрогнул. Не улыбка. Скорее воспоминание о том, что улыбки существуют.

Дождь стекал между ними. Тонкий, монотонный, уже с чёрными следами. Акира стояла напротив существа, которого не создавала, в храме, который почти потеряла, и вдруг поняла, что всё изменилось. SHIROGANE CORE хотела купить «Сакуру». Куроками хотели пожрать её смысл. А этот мужчина — Рэн, хотя она ещё не знала его имени, — стоял между ней и разрушением так, будто у него было на это право.

И от его близости у неё странно сжалось в груди. Не от страха. От чего-то другого. От того, как он смотрел на неё — спокойно, без жадности, но с такой тихой, усталой внимательностью, будто уже знал, что она сейчас чувствует. Акира машинально облизнула губы и тут же пожалела об этом. «Это безумие, — подумала она. — Он не настоящий. Это всего лишь... голос. Сбой. Ничего больше». Но тело почему-то не слушалось. Сердце стучало чуть чаще, чем нужно, а кожа под термокурткой стала горячее, будто кто-то провёл по ней ладонью.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Он ответил не сразу. Сначала посмотрел на центральную дорожку, на затопленный алтарь, на лепестки в чёрной воде. Потом снова на неё.

— Рэн Сайгё.

Имя легло в дождь тихо, но сад услышал. Где-то у сломанной крыши вспыхнул единственный розовый цветок. Маленький. Упрямый. Нелепый среди руин.

Акира медленно выдохнула.

— Я Акира.

— Я знаю.

— Это не делает разговор менее странным.

— Здесь мало что осталось не странным.

Он шагнул назад, и его тело на мгновение стало прозрачнее. Акира инстинктивно потянулась вперёд, но остановилась. Не потому, что боялась. Потому что не знала, можно ли к нему прикоснуться. И хотела ли она узнать это прямо сейчас. Хотела — странно, тихо, упрямо, как будто внутри неё что-то давно молчавшее вдруг шевельнулось.

Рэн заметил движение. Его взгляд стал тише.

— Не стоит.

— Почему?

— Если ты почувствуешь, что я настоящий, тебе будет труднее принять правильное решение.

— Какое?

— Продать этот мир. Закрыть его. Уйти.

Акира посмотрела на него, потом на храм, на чёрные следы дождя, на один маленький цветок под сломанной крышей.

— Ты плохо начинаешь знакомство.

— Зато честно.

— Честность не всегда достоинство.

— В этом мире — роскошь.

Она почти улыбнулась. Почти. Но потом где-то далеко раздался новый треск. Уже не здесь. В другом секторе. Может быть, у пруда. Может быть, у моста. Может быть, у центральной сакуры.

Рэн поднял голову.

— Это только начало.

Акира сжала нейроключ в ладони.

— Тогда начнём с того, что ты перестанешь говорить мне уйти из моего собственного мира.

Он посмотрел на неё долго. Дождь падал сквозь него, но почему-то казалось, что это ему больнее, чем если бы капли били по настоящей коже. Акира стояла и чувствовала, как между ними натягивается невидимая нить — тёплая, странная, пугающая своей естественностью. Она не хотела этой нити. Но и отрезать её почему-то не могла.

— Твой мир уже не только твой, — сказал он.

— Знаю.

— И всё равно останешься?

Акира вспомнила мужчину в серебряных биолинзах. Голограмму «Сакуры», превращённую в воронку монетизации. Женщину с фонарём. Детский голос. Чёрные лепестки. И его — Рэна Сайгё, которого она не создавала, но который стоял перед ней так, будто «Сакура» сама наконец обрела лицо. И что-то в ней самой — что-то давно запёртое — вдруг откликнулось на это лицо тихим, упрямым «да».

— Да, — сказала она. — Останусь.

На этот раз он действительно улыбнулся. Едва заметно. Печально. Опасно красиво.

А в глубине сада, там, где дождь падал гуще всего, первый разлом раскрылся шире.

Глава 3. Голос в тишине

После первого разлома «Сакура» перестала притворяться садом.

До этого она ещё пыталась держаться за прежнюю красоту: подставляла под дождь бело-розовые ветви, мягко подсвечивала каменные дорожки, заставляла бумажные фонари гореть тёплым золотом даже тогда, когда внутри них уже ползали чёрные строки ошибок. Она всё ещё выглядела как место, куда можно прийти, чтобы пережить боль осторожно, не разрываясь на части. Как хорошо обученный голос, который говорит: «Всё в порядке», даже когда за стеной уже горит дом.

Но теперь маска начала сползать.

Акира поняла это почти сразу, когда они с Рэном вышли из полуразрушенного храмового сектора. Дождь больше не просто падал. Он будто слушал. Его монотонный ритм стал плотнее, внимательнее, как дыхание за спиной. Капли стекали по камням, по чёрным лужам, по лепесткам, по её рукавам и слишком долго задерживались там, где должны были просто исчезнуть. В нейросреде не бывает случайностей: если вода ведёт себя как живая, значит, кто-то или что-то дало ей право быть живой.

Рэн шёл впереди, почти не оставляя следов. Вернее, следы появлялись, но не сразу: там, где его босая ступня касалась мокрой дорожки, камень сперва оставался пустым, потом на нём проступал слабый серебристый отпечаток, словно сама «Сакура» с задержкой вспоминала, что он должен существовать. Дождь проходил сквозь его плечи и волосы, не смачивая, но каждый раз, когда капли пересекали его тело, по краям силуэта пробегали тонкие сбои — почти незаметные, если смотреть обычным взглядом. Акира смотрела не обычным. Она слишком долго работала с кодом, чтобы не видеть, как система стирает то, что не может классифицировать.

— Тебе больно? — спросила она.

Рэн не обернулся.

— Это не совсем боль.

— Худший вид ответа.

— Почему?

— Потому что обычно после него выясняется, что боль всё-таки есть, просто человек решил назвать её красивее.

Он остановился у поворота. В мокром полумраке его лицо казалось ещё бледнее, почти вырезанным из дождя и холодного света. На фоне чёрных ветвей, неоновых отблесков и тёмной воды он выглядел не как ошибка, а как слишком старая часть мира, которую она просто не заметила при создании.

— У меня нет тела, чтобы оно болело так, как болит у тебя, — сказал он наконец. — Но я чувствую, когда «Сакура» теряет фрагмент. И чувствую, когда дождь проходит сквозь меня.

— Что именно ты чувствуешь?

Рэн посмотрел на свою ладонь. Через неё падали капли — ровные, прозрачные, безжалостные. На мгновение пальцы стали почти невидимыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.